ЛИ

БРЭКЕТТ

«ГОБЕЛЕНОВЫЕ ВРАТА»

Гобеленовые врата
Ли Брэкетт

Ли Брэкетт. «Гобеленовые врата». Leigh Brackett. «The Tapestry Gate» (1940)

Ли Брэкетт
«Гобеленовые врата»
Leigh Brackett
«The Tapestry Gate» (1940)

— Я должна его получить, Дик. Это именно то, чего недостаёт в твоей берлоге.

— Но я-то не хочу, Джейн, — простонал Дик Стрэттон. — Я хочу свой спортивный плакат.

Тщательно накрашенное лицо Джейн Стрэттон под модной фитюлькой, каковую она именовала шляпой, напоминало китайскую фарфоровую маску.

— Я собираюсь сделать это место приличным настолько, чтобы показывать своим друзьям, не извиняясь. Так ты сделаешь ставку, или это придётся сделать мне? — Её голос был абсолютно бескомпромиссным.

— Тебе ведь плевать на мои желания, верно? — зло пробормотал Стрэттон. — Ты заботишься только о себе.

Джейн холодно повела плечами.

— Я не в силах заставить тебя понять, насколько это важно именно для тебя, — ответила

она. — Ты всё равно постоянно сидишь, сунув нос в какую-нибудь глупую книгу. Ты собираешься участвовать в торгах?

Дик Стрэттон сделал ставку. Его переполняла холодная бесполезная ярость. Ярость не против самого обрывка гобелена, сколько против того, что он собой символизировал. Для Дика это был символ неумолимого господства Джейн, её бесящего эгоизма и глупости.

За последний год его дом был трижды разодран и переделан в угоду очередной причуде Джейн. Теперь дома не было — была витрина для Джейн. Его же сослали в «берлогу», и даже её он не мог обставить по-своему, хотя все его сбережения и зарплата были потрачены на прихоти Джейн.

Он заполучил гобелен за семьдесят долларов. Это была странная вещь, примерно два квадратных фута непонятного переплетения странных оттенков. Джейн взяла гобелен, удостоив Дика лёгким кивком триумфатора.

— Это придаст обстановке законченность, — заявила она. — Поехали!

— До следующего раза, — пробормотал Стрэттон себе под нос. Их престижное купе стояло у обочины. Прежде чем сесть, Джейн развернула гобелен на солнце.

— Современный. Прямо-таки Дали. Жаль, что ты не можешь понять ценность подобных вещей, Дик. Тогда я бы получала больше удовольствия от владения ими.

Стрэттон подавил нарастающую ярость. В солнечном свете гобелен выглядел иначе, как будто бы на нём всё-таки было осмысленное изображение, просто немного не в фокусе. Чёрный, коричневый, серебряный, рыжий, золотой — он сиял мягким блеском, не похожим ни на одну виденную ткань. Странная, упругая текстура. Он протянул руку, чтобы коснуться поверхности.

— Эт' сильное колдунство, масса!

Стрэттон бросил быстрый, испуганный взгляд вверх. Негр — чистильщик сапог, обитавший рядом с аукционным домом, уставился на гобелен с глазами, переполненными диким страхом. Словно зачарованный ужасом, он подошёл ближе.

— А, ошмёток одного из тех диавольских ковров. Я видел такой в хижине колдуньи в луизианских болотах. Она хохотала до упаду и всё повторяла имя мизз Коммеро, а через неделю мизз Коммеро исчезла! Колдунья говорила, что это диавольская тряпка, которая по всему миру заманивает людей в ловушку. А ловушка не только в нашем мире! — Его узловатая чёрная рука

крепко схватила Стрэттона за плечо. — Колдуны знают, что в других местах тоже есть колдуны. И они обмениваются душами, просто для смеху. Как только есть в доме ненависть — эта штука работает. Она крадёт твою душу! Ненависть заставляет её работать. Сожги её! Сожги!

Стрэттон во гневе вырвал руку.

— Прошу прощения, — сказал он, — но я только что заплатил семьдесят долларов за эту тряпку. Моя жена уверена, что это образчик современного искусства, так что вы, должно быть, ошибаетесь. Кроме того, — добавил он сухо, — в нашем доме ненависти нет. — И он ухмыльнулся, вспомнив, что его собственная, тёмная, растущая ненависть всё-таки есть.

От проигнорировал острый взгляд Джейн и опустился за руль. Негр всё ещё стоял рядом, дрожа, его взгляд был устремлён на гобелен, лежащий на коленях Джейн.

— Глянь, из чего она сделана, — прошептал он. — Ден, может быть, не такой дурак, масса.

Стрэттон посмотрел. Солнечный свет вспыхнул на спутанных нитях, чётких и почти живых. Это было как… ну, как волосы Джейн, когда он женился на ней. Это было до того, как у него появились деньги, до того, как эти лживые салоны красоты

создали своё шеллаковое совершенство.

С отвращением он понял, что это было.

— Джейн! Это же человеческие волосы! — воскликнул он.

Руки Джейн в дорогих перчатках оттолкнули гобелен.

— Фу! — она вздрогнула. — Какая гадость! Дик, сдай это обратно. Я не потерплю подобную штуку у себя в доме!

Рот Стрэттона изогнулся в лёгкой улыбке. В конце концов, что в этом такого отвратительного? Делают же из человеческих волос парики, и никто не возражает.

— А почему бы и нет? Только подумай, Джейн, в Нью-Йорке не найдётся женщины, которая не будет тебе завидовать. У тебя будет нечто такое, что никто другой скопировать не сможет. Я просто-таки вижу миссис Ладелл…

— Не надо смеяться над моими подругами, — отрезала Джейн. Довольно неохотно она подняла гобелен и подставила солнцу. — Но что-то в твоих словах есть, да. Элис Келли скопировала всю мою гостиную, и мне пришлось всё полностью переделать. И вообще, он же будет висеть в твоей берлоге. Да, я оставлю его себе.

«Джейн, — подумал Стрэттон, уезжая, — дей-

ствительно ужасная женщина».

Костяшки его пальцев на руле побелели, и он чувствовал, как внутри закипает беспомощный гнев.

Негр — чистильщик следил за машиной, насколько позволяло зрение. Затем он покачал головой, что-то пробормотал, и покрепче сжал пальцами амулет в кармане.

Тем вечером, собираясь спать, Дик Стрэттон взглянул на гобелен, подвешенный над кубистической каминной полкой. Свет от ближайшей яркой лампы почти сфокусировал странный узор. На мгновение он увидел людей, окруживших что-то под тёмным, ветвящимся деревом, а чуть выше центра ему показалось, что он увидел лицо. Злое, смеющееся лицо.

— Чепуха, — проворчал он. И тогда полузабытые слова чистильщика вернулись. Он сонно смотрел на гобелен, думая об исчезновении мизз Коммеро, кем бы она не была, и прикидывая…

Вздрогнув от ужаса, он понял, о чём думает. Он думал о том, как было бы чудесно, если бы негритянский бред оказался правдой, если бы Джейн могла исчезнуть в этой картинке, и дать ему возможность обрести счастье. Он думал об убийстве.

Дик повернулся и выбежал из комнаты.

Джейн тоже плохо спала той ночью. Стрэттон слышал, как она ворочается в соседней комнате. Это мешало ему заснуть, и он размышлял, хотя и не желал этого. Джейн разоряла его. Она была тщеславна, экстравагантна и глупа, и не заботилась ни о чём, кроме как вытянуть из него ещё денег. Но реальных оснований для развода у него не было. Она будет бороться, чтобы удержать его всеми силами и всеми возможными уловками. Кроме того, скандал он себе позволить не мог.

И всё-таки его жизнь была разрушена. А ведь он ещё молод. Если Джейн умрёт…

— Нет! — прошептал он. — Ни в коем случае. Тебе не сойдёт это с рук!

Он всё-таки заснул, и снилась ему ловушка для душ, сотканная из человеческих волос, и дьявол, смеющийся над мёртвым телом Джейн.

Джейн опоздала на завтрак. Стрэттона, спускавшегося вниз, словно магнитом притянуло в берлогу. Солнечный свет пробивался сквозь фиолетовое стекло, которое он ненавидел, равно как и всё в своей комнате. Под косым углом свет падал на гобелен.

Стрэттон почувствовал, как по спине у него поползли мурашки… На гобелене была картина!

Двенадцать человек стояли в кольце вокруг крестообразного камня со странными проточками. Необычное и неприятное дерево простирало извивающиеся ветви над ними и кем-то, стоявшим за крестообразным камнем так, чтобы его лицо было чуть выше центра гобелена.

На самом деле он не был человеком. Каким-то образом Дик Стрэттон знал это. Он выглядел, как человек, но ни у одного нормального человека никогда не было таких глаз, подобных зеркалам всех грязных, злых мыслей, какие только родились с начала времён. Смеющиеся глаза. Ужасно смеющиеся. Как будто грех и злодейство были самыми приятными, самыми забавными, самыми душевными вещами во Вселенной.

Невольно Стрэттон закрыл глаза и отшатнулся, а когда снова открыл их, картина исчезла.

— Просто игра света, — почти свирепо прошептал он. — И воображение. И те сны, что у меня нынче были.

Но избавиться от видения этих смеющихся глаз он уже не мог. Словно защищаясь, он попробовал снова встать на то место, с которого увидел картину, но солнце уже сместилось, и ему это не удалось. Он долго стоял, глядя на размытую, насмешливую тряпку, пытаясь понять бушующие

внутри чувства. Затем, почти виновато вздрогнув от шагов Джейн в коридоре, он стряхнул с себя странное оцепенение.

— Просто усталость, — сказал он себе. — Обеспокоенность. Я не должен допускать это… — он собирался сказать «болезненное», но его настроение не было болезненным. Оно было ужасным. Забавно, что дикие истории того негра разбудили в нём такие преступные мыслишки, в существовании которых он никогда бы не признался даже самому себе. — Ты не думал об убийстве. Ты не позволял себе настолько ненавидеть людей.

Впрочем, это же не настоящее убийство. Гобелен-ловушка — это просто невежественное суеверие. На самом деле, он не видел ту картину. Там ничего не было. Но мысли оставались, он не мог их отринуть, ему хотелось, чтобы что-то в этом было.

— Нет, не хочу! — Стрэттон сжал ладонями виски. — Джейн не так уж и плоха. Просто эгоистичная и глупая. Я должен остановиться прямо сейчас. И вообще, я же женился на ней. Я должен жить дальше.

На гобелен он больше не смотрел. Но, выходя из комнаты, внезапно подумал: «Если то, что сказал негр, было правдой, то это не будет убий-

ством. Нет тела — нет дела!» Он повторил это вполголоса.

Джейн смотрела на него через стол, подобно фарфоровой кукле, завёрнутой в персиковый атлас.

— Дик, — произнесла она прежде, чем он успел сесть, — мне нужны деньги.

— Но, Джейн, я же дал тебе…

— Они кончились. Я потратила их на платье для приёма у миссис Лиделл, но теперь мне нужно другое.

Стрэттон отложил газету.

— Почему, Джейн? — вопросил он.

— У Элис Келли есть такое же. Я просто не могу надеть его на приём.

— Тогда надень что-нибудь ещё.

— Дик! Ты прекрасно знаешь, что у меня нет…

— Неважно, — устало сказал он. — В этом месяце я больше не могу дать тебе ни цента. Ты меня обчистила.

Джейн поджала губы, и её голубые глаза потемнели от гнева.

— И это называется благодарностью! — выкрикнула она. — Я изнуряю себя, пытаясь сделать, чтобы твой дом не походил на свинарник. Я стараюсь выглядеть пристойно, выходя на улицу. И

ты ещё называешь меня экстравагантной! Ну, если гордости нет у тебя, то уж у меня она есть. Я не позволю этим женщинам смеяться над нами за нашими спинами, только из-за твоей скупости.

Стрэттон встал.

— Джейн, — сказал он очень тихо, — лучше бы тебе быть поосторожней. Я не хочу ни скандала, ни неприятностей. Но если ты не обретёшь здравый смысл, я разведусь с тобой, клянусь небесами!

Джейн улыбнулась.

— Ты не сможешь, — самодовольно сказала она. — Я не дам тебе развода. А если ты подашь на него, я расскажу о Дорис Райдер.

Сердце Стрэттона пропустило удар, а потом бешено заколотилось. Он и не подозревал, что Джейн слышала о Дорис Райдер.

— Ты не можешь, — хрипло сказал он. — Между нами никогда ничего не было. Ничего!

— Но доказать ты этого не можешь. — Джейн кивнула, уверенная в себе. — Даже если бы и смог, я не думаю, что подобная огласка пойдёт на пользу её карьере. Она ведь довольно известная, знаешь ли. Забота о детях, да? Думаю, тебе лучше выписать мне чек, Дик.

И он сделал это, не различая ни ручки, ни цифр.

Затем он вышел из столовой. Он обнаружил себя, стоящим в берлоге, глядящим на гобелен, кулаки сжаты, а вены почти лопаются от чёрной ненависти, сотрясающей его.

— Хотелось бы, чтобы это было правдой! — с яростью прошептал он. — Хотелось бы, чтобы эта проклятая вещь была ловушкой. Хотелось бы, чтобы Джейн была мертва и в аду!

Это не могло быть просто игрой света. Как будто его ненависть выплеснулась, дотянувшись до маленького сплетённого квадрата человеческих волос, и, волшебным образом омыв его, явила картину. Двенадцать человек вокруг камня в форме креста, с тем адским жрецом в центре. Картинка была чёткой и ясной. Настолько, что Стрэттон обнаружил, что справа от жреца было пустое место, будто ткач хотел изобразить тринадцатого человека.

Он подошёл ближе. Должно быть, именно фиолетовое стекло придавало картине иллюзию глубины, внезапный кружащий голову эффект тумана, расступающегося над пропастью. Казалось, он мог видеть деревья этого странного леса, раскинувшиеся взад и вперёд, взмывающие в жуткое небо.

Он обнаружил, что сильно дрожит. Он отвер-

нулся, хотя ему потребовалась вся сила воли. Он должен взять себя в руки — безумное бормотание того чёрного чистильщика вкупе с его собственным расстроенным эмоциональным состоянием портят всё. Предположим, картину он видел. Существуют же картины, нарисованные особыми красками, которые показываются только при определённом освещении или температуре. В конце концов, он понятия не имел, как реагируют человеческие волосы на краски. Тот факт, что картина на гобелене существует, никоим образом не подтверждает бред негра.

Ловушка для души. Колдуны одного мира обмениваются душами с колдунами из мира иного. Торговцы злом, смеющиеся своим тайным шуткам. Даже Сатане иногда приходится смеяться.

«Ненависть любого человека в доме заставляет её работать!»

— Нет, — сказал Дик Стрэттон. — Нет. Я человек разумный. Это невозможно. Я просто избавлюсь от этой проклятой штуковины.

Но сделать это — признаться в собственном страхе. А кроме того, глубоко под его отнекиванием, под отвращением его сознательного, цивилизованного разума, билась злая, дрожащая надежда, что это правда.

Во второй раз Дик Стрэттон выбежал из комнаты. И казалось, что он прихватил с собой глоток погребального ветра из мрачного, гниющего леса.

В ту ночь Джейн спала ещё хуже. Дик Стрэттон дрожал от безумного смятения мыслей. Утром, совершенно неспособный удержаться, он посмотрел на гобелен. Это должна была быть игра света, но был почти уверен, что на тринадцатом месте, в разрыве круга, образуется туманное пятно.

Вечером они отправились на одну из бесконечных музыкальных вечеринок Джейн. Стрэттон, уставший как собака, отправился в свою берлогу за бумагами, что понадобятся ему на завтра. Сомнений не было и на этот раз. На странном гобелене появилась размытая фигура.

Поздно ночью беспокойный сон Дика был прерван голосом Джейн.

— Что ты мне дашь? — проговорила она совершенно чётко.

Стрэттон мрачно улыбнулся, потом он вздрогнул. Что-то неестественное было в её голосе, она словно бы ждала кого-то, пока тот ответит ей. Через некоторое время она вздохнула будто в чистом экстазе.

— Как чудесно! — прошептала она. — Всё, что я

хочу. Всё! И никто не будет меня пилить. Но… другой мир… это так далеко. — Опять ждущая пауза.

— Какова плата? — опять зашептала она. Пауза. — Да что же тут может быть плохого, милый… Ты такой щедрый. Всё, что я хочу! А как же мой муж?

В этот раз ожидание было довольно долгим. Затем Джейн рассмеялась и погрузилась в глубокий сон. Через несколько минут Дик Стрэттон понял, насколько зловещим был этот смех.

Подгоняемый лихорадочным волнением, он тихо спустился вниз, освещая путь небольшим карманным фонариком. В кромешном мраке берлоги луч фонарика протянулся блестящим белым пальцем и безошибочно коснулся тринадцатого места в круге на гобелене из человеческих волос.

Туман сгустился, превращаясь в пока размытые, но уже различимые очертания женской фигуры.

Стрэттон выронил фонарик и тот погас. Он стоял, парализованный плотным, почти осязаемым ужасом, который словно просочился из какой-то неведомой бездны, чтобы превратить его сердце в лёд, а кровь — в снежную воду. Каждая частица здравого смысла и простой нормальности возопила в нём, заявляя, что всего этого не может быть,

что это просто кошмар, и он сейчас проснётся.

Но он знал. Знал и негр. Даже Джейн, убаюканная наверху какой-то новой страшной силой, знала.

Ненависть была в его доме. Он ненавидел Джейн, и его ненависть проломила барьер. А в результате маленькая эгоистичная душа Джейн соблазнилась… чем?

Картина была различима даже в темноте, будто светясь внутренним светом. Будто невообразимая луна плыла по жутком небу, освещая демону путь через лес. И лицо жреца всё время полнилось смехом.

Содрогаясь от ужаса, Дик Стрэттон прижал ладони к пульсирующим вискам. Время ещё есть. Гобелен ещё можно сжечь. И Джейн будет в безопасности. А это безумие просто забудется.

Но свободы ему не видать. С ним будут эгоизм Джейн, расточительность Джейн, уверенность Джейн во власти над ним до самого конца — его жизни, его денег, или того и другого вместе. Но если он не сожжёт гобелен, то избавиться от всего этого. Ведь он же её не убьёт. И никаких претензий со стороны закона. Её тело не найдут, потому как оно будет в гобелене. А он будет свободен.

И он будет наслаждаться жизнью. И даже смо-

жет жениться на Дорис Райдер.

Ещё одна мысль пришла ему в голову, и он испуганно взглянул на картину. Если ненавистный попадёт в ловушку иного мира, то что станет с ненавистником?

Он покачал головой. Круг замкнулся. Там не было больше места. А он просто сожжёт гобелен после исчезновения Джейн. И закроет врата навсегда.

Долго-долго стоял Дик Стрэттон в холодной тёмной комнате, вглядываясь в смеющиеся глаза жреца. Потом повернулся и отправился в постель, оставив гобелен на стене в полной сохранности.

На следующее утро Джейн была вялой и усталой. Как будто жизненная сила вытягивалась из неё. Стрэттон подумал о тумане на гобелене и улыбнулся. И даже чек выписал без единого слова.

— Ночью тебе снился сон. Я слышал, как ты разговаривала с кем-то во сне, — с жадным любопытством спросил он.

— Разве? Не помню такого, — вяло пробормотала Джейн, не поднимая глаз.

Стрэттон подавил дрожь и вышел.

Тем вечером Джейн, двигаясь подобно сомнабуле, надела белое атласное платье из своего

приданного. Оно было похоже на вечернее платье с ожерельем из изысканных белых роз. Одна из них потерялась.

Дик Стрэттон лёг, но знал, что этой ночью он спать не будет.

Он слышал, как дыхание Джейн стало глубоким и ровным. Так она проспала несколько часов. Затем, не издав ни единого звука, она встала.

Он молча проследовал за ней вниз по лестнице. Двигаясь вначале медленно, Джейн шла всё быстрее и быстрее, подобно ребёнку, приближающемуся к обещанному лакомству. У входа в берлогу она замерла, и Стрэттон увидел, как она задрожала, будто волна страха накрыла её. А потом она вошла внутрь.

За ней он не пошёл. Его рассудок начал потихоньку сдавать свои позиции. Прихватив из библиотеки графин с виски, он побежал наверх, и всю ночь мерял шагами свою спальню в странном полупьяном состоянии, балансируя между головокружительным облегчением и кошмарным ужасом.

Утро оказалось мудренее вечера. Первой мыслью было немедленно сжечь гобелен, но он передумал. Это было бы слишком импульсивно и слишком бессмысленно. А ещё могло приве-

сти к ненужным вопросам. И хотя обвинение в убийстве было бы непродолжительным — «нет тела, нет дела» — его нежелание отвечать на них было бы слишком очевидным. Прямая дорога в психушку, да.

Глубоко вздохнув, он спустился, чтобы вызвать полицию.

Роль сбитого с толку мужа он сыграл неплохо. Возможно, ему бы и удалось выйти сухим из воды, но осложнения всё-таки возникли. Горничная Джейн засвидетельствовала, что её хозяйка не из тех, кто может выйти ночью из дома без денег или одежды.

Дворецкий не преминул рассказать, как они ссорились из-за денег. Мать Джейн, толстая, расфуфыренная истеричка, осыпала Дика Стрэттона проклятиями. И полицейские начали сомневаться в правдоподобности таинственного исчезновения.

Стрэттона завели в берлогу для личного допроса. На удивление долго он стоял, обливаясь холодным потом, с бешено колотящимся сердцем, со сжатыми кулаками. Но его взгляд был прикован к куску ткани из человеческих волос, висящему над камином.

Луч солнца пробивался через фиолетовое стек-

ло, освещая края гобелена, подобно прожектору. Круг людей стоял под чудовищным деревом, и Стрэттон видел их ясно, как никогда ранее. И снова он испытал головокружительное чувство глубины изображения. Их лица были отвратительными, искажёнными весельем, прячущим тень ужаса, недоступного пониманию человека. Они ждали, стоя в напряжённом любопытстве, в расслабленном желании. И глаза жреца смеялись.

Клок тумана окончательно сгустился. Тринадцатое место было занято.

Дик Стрэттон сломался. Его рассказ перестал быть связным, он срывался на ненужную болтовню, попахивающую безумием. Он попытался взять себя в руки. В каком-то, пока ещё ясном, уголке сознания он понимал, что это просто шок от увиденного — последнее, неоспоримое доказательство — безумное, невозможное… Он смог замолчать, но и только.

Полицейские ему не верили. В его спальне нашли полупустой графин с виски. А потом под гобеленом, скрытая выступом кубистической каминной полки, обнаружилась белая атласная роза.

Дик Стрэттон посмотрел на свою жену, стоя-

щую справа от жреца, во главе крестообразного камня. Белое атласное платье на фоне тёмного извивающегося дерева было прекрасно видно. И место на платье, где должна была быть эта роза — тоже.

— Что вы там увидели? — спросил полицейский, и тут Стрэттон понял, что только он сам видит картину. И начал впадать в истерику.

— Вам лучше пройти с нами, — продолжил полицейский, — пока мы не разберёмся с этим делом. Извините. Подозрение в убийстве, знаете ли.

Это Дика Стрэттона не беспокоило. Обвинения в убийстве он не боялся. Но в голове у него вертелся тревожный вопрос.

— Проклятая тряпка. Над чем же они смеются? — спрашивал он себя в отчаянии.

Позже он порадовался, что оказался в тюрьме. Он и не подозревал, какое болезненное влияние дом начал оказывать на него. Он достаточно неплохо выдержал допрос следователя, а к вечеру уже настолько обрёл уверенность в себе, что спокойно лёг на койку в камере, собираясь хорошенько выспаться. Всё закончилось, от Джейн он избавился. Теперь он в безопасности. Оставалось только ждать, когда его выпустят. Тогда он

сожжёт гобелен и забудет об этом.

Он спал, но не слишком хорошо. Поутру он был усталым и переполненный смутными обрывками сновидений. Вспомнить их он мог, но они были омерзительны.

Вот тут он испугался.

Следующей ночью было ещё хуже. Он проснулся в холодном поту от страха, его разум почти физически вырывался из чёрной паутины зла. Потом он снова заснул, снова увидел сон и с криком проснулся. Он кричал и размахивал руками, пока ему не пригрозили надеть смирительную рубашку. Он молча забился в угол, дрожа от понимания.

Его тоже втягивало в круг!

На адском гобелене из человеческих волос появился и начал сгущаться ещё один клок тумана. Он ощущал это настолько ясно, как, пожалуй, не ощущал ничего прежде за всю жизнь.

Ему нужно было выбраться отсюда. Ему нужно было пойти и сжечь этот гобелен. Но он не мог. Он мог только ждать. Он пробовал бороться со сном, но он попал в ловушку. Ему снился круг ухмыляющихся лиц, чудовищное искажённое дерево, удушающие верёвки, отягощение злом.

У Джейн таких снов не было. Такие бы она не

забыла. И круг был целым. Ему просто некуда было бы встать.

Что с ним происходит? Какая судьба уготована ему?

Полицейские сказали, что отпустят его завтра. Нет тела — нет дела. Но отступать они не хотели. И Стрэттон опять остался в камере. И сон накрыл его, подобно тяжёлому плащу.

Он увидел висящий на стене гобелен и маленькая светлая точка освещала лицо жреца. Его глаза были полны смеха, лицо было искажено тайным, космическим весельем.

Врата между двумя измерениями, сплетённая из человеческих волос ловушка для душ, созданная для смеха сатаны. Стрэттон чувствовал зло. Чёрное, ненормальное нечто коснулась его сознания могильными пальцами. Зло, которое проникает в подсознание во сне, и утаскивает душу прочь… прочь… внутрь себя…

Он проснулся с пронзительным визгом, отбиваясь от открывшегося ему знания. Ему снова пригрозили смирительной рубашкой, и он снова забился в угол, дрожа и размышляя.

Он чувствовал, как жизненная сила покидает его. Сначала опустошается душа, потом тело. Нечто ждало его на гобелене, нечто отличающее-

ся от приходившего во сне к Джейн.

У него не оставалось времени, разве что до вечера. Ему надо было выбраться отсюда, чтобы успеть сжечь гобелен, пока не поздно.

Чудесным образом дверь его камеры распахнулась.

— Ладно, Стрэттон, — сказали ему. — Это до сих пор выглядит подозрительно, но мы не можем открыть дело об убийстве без тела. Вы можете идти.

Путь домой был воплощением ночного кошмара, когда ты пытаешься убежать, а ноги вязнуть в зыбучем песке. Против него было всё: светофоры, дорожные пробки, досадные задержки. Всепоглощающая слабость давила на него, а страх тащил его за грань безумия. В голове билась единственная мысль: «Сожги гобелен, сожги гобелен».

За время его отсутствия сбежали слуги. Ввалившись в дом, он, тяжело дыша, побежал по коридору в берлогу. Солнце клонилось к западу.

Его трясло от лихорадочной спешки. Стрэттон выхватил из кармана зажигалку, потянувшись другой рукой к гобелену, силясь сорвать его со стены.

Ровный красный луч ударил сквозь фиолетовое стекло прямо в ждущие, смеющиеся глаза

жреца. Они притягивали Стрэттона, будто в те мгновения, пока он пытался собраться в темноте, невидимая связь возникла между ними.

Стрэттон закричал. Горящая зажигалка выпала из его руки и, никому уже не нужная, упала на бледный ковёр, прожигая дыру.

Солнечный свет потускнел и стал красным. Тени завертелись перед его глазами, отступили, обретя объёмность и глубину. Леденящее головокружение заставило его пошатнуться, когда тени вытянулись в тропу, уходящую в глубь леса. Крошечные деревья внезапно устремились к жутким небесам.

Дик Стрэттон балансировал на грани двух миров. Маленькие фигурки увеличивались до человеческих размеров, тени вокруг чудовищного дерева сгущались. Сырой могильный ветерок играл одеждой тринадцати человек, ждущих в круге, а лицо жуткого жреца оказалось совсем рядом с его лицом.

Через вихрь миров и измерений смотрел Дик Стрэттон на то место, где туман его души начал сгущаться, становясь осязаемым.

А потом он оказался на крестообразном камне со странными проточками. Верёвки притянули к каменной поверхности его запястья и лодыжки,

а он смотрел в лицо, искажённое потаённой злой радостью.

Раздался пронзительный, злобный, переходящий в шёпот звук трубы. По кругу пробежала лёгкая рябь смеха. И, будто по сигналу трубы, круг сомкнулся.

Над ним было кольцо лиц, заслонивших скрученные ветви дерева. Он видел на них печать зла, знак осуждённых душ, перемешанных с грехами, приведшими их сюда — ненависть, жадность, злоба. Дико скользнул по ним его взгляд, зацепившись на надменном, эгоистичном лице Джейн — лице, которое изменилось…

Жрец засмеялся, и глубокий, злорадный звук пронёсся по кругу, подобно литании. Чёртова тряпка. Почему они смеялись, почему…

Дик Стрэттон совершенно неподвижно, совершенно безмолвно лежал на крестообразной глыбе.

Ещё минута — и он узнает.

Перевод — Антон Лапудев